

СТАТУСЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОНЯТИЕ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ («СТАТУС ВИ»)

М.В. КЛЕМЕНТЬЕВА^а

^а ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125993
(ГСП-3), Россия, Москва, Ленинградский просп., д. 49/2

The Virtual Identity Status: The Concept and Inventory (VISI)

M.V. Klementyeva^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., 125993 (GSP-3),
Moscow, Russian Federation

Резюме

Целью статьи является разработка и апробация методики, позволяющей оценить статусы виртуальной идентичности: достигнутой, предпрешенной, диффузной и моратория. Цифровой образ Я, моделируемый пользователем в виртуальной среде, образует виртуальную идентичность, но основа этого психологического механизма остается неизвестной. Современные психологи изучают влияние цифрового опыта на виртуальную идентичность, однако до сих пор не было проведено исследований, фиксирующих статусы этого сложного образования. Мы исследовали статусы виртуальной идентичности через призму интеграции неэриксонских идей с положениями культурно-исторической теории. Исследование проводилось с помощью опросного метода. Для измерения статусов виртуальной идентичности была разработана и валидирована авторская методика «Статус ВИ». Измерены пять личностных свойств (экстраверсия, нейротизм, доброжелательность,

Abstract

The objective of the study was to develop and test the methodology to assess virtual identity statuses: identity achieved, moratorium, foreclosure, diffusion. The digital image, mediated by technologies and self-simulated, refers to the virtual identity, but the basis of its psychological mechanism remains unknown. The psychological scientists study the impact of digital experiences on virtual identity, yet no research has been conducted to date that captures the statuses this complex entity. Our study of the virtual identity statuses draws on E. Erikson's conceptualizations of the identity development and provisions of cultural-historical theory. This study applies an originally designed Virtual Identity Status Inventory (VISI). The study also measured: the five broad personality traits (extraver-

---

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

The reported study was funded by budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

добросовестность и открытость опыту) и самодетерминация. Выборку составили данные, полученные от 350 студентов (возрастной диапазон от 17 до 25 лет; 44.3% мужчины). Для обработки и анализа данных были использованы: конфирматорный факторный анализ, коэффициент α Кронбаха, t -критерий Стьюдента, ϕ^* -критерий Фишера, r -критерий Пирсона. Для обработки данных использовались программы SPSS 21.0 и AMOS 21. Конфирматорный факторный анализ подтвердил двухфакторную структуру, образованную шкалами «интенсивность поиска» и «осмысленность принятия» ($\chi^2/df = 1.17$; $\rho = 0.08$; RMSEA = 0.07; CFI = 0.93). В результате двухосевой круговой интеграции двух измерений в 4 квадранта получены 4 статуса виртуальной идентичности. Мы обнаружили, что открытые к новому опыту и способные к самодетерминации студенты-мужчины часто демонстрировали достигнутую виртуальную идентичность ($\rho < 0.01$). Статус виртуальной идентичности относительно стабилен в течение двух месяцев ($\phi^* = 0.21$). Таким образом, «Статус ВИ» является надежной и валидной методикой и может использоваться как инструмент для решения теоретических, эмпирических и экспериментальных задач, связанных с развитием идентичности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: идентичность, виртуальная идентичность, статусы идентичности, студенты, валидность, надежность, психологический инструментарий.

Клементьева Марина Владимировна – профессор, главный научный сотрудник, Департамент психологии и развития человеческого капитала, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психология развития, психология личности.

Контакты: marinaklementyeva@yandex.ru

Благодарности

Автор благодарит студентов, которые любезно вызвались принять участие в исследовании. Автор также благодарит за помощь в сборе данных для исследования лаборанта Института

sion, agreeableness, openness, conscientiousness, and neuroticism) and self-determination. The sample comprised 350 students (age range 17 to 25 years; 44.3% men). For data processing, confirmatory factor analyses, Cronbach coefficient alpha, Pearson's r -test, and Student's t -test were applied in the SPSS 21.0 and AMOS 21 programs. Confirmatory factor analysis confirmed the 2-factor structure of the inventory, formed by the scales "In-Depth Exploration" and "Meaningfulness of Commitment" ($\chi^2/df = 1.17$; $\rho = .08$; RMSEA = .07; CFI = .93). We modeled these variables into 4 quadrants formed by a 2-axis circumflex integration of scales in 4 virtual identity statuses. We found that male students, who were open to new experiences and high in self-determination, significantly often demonstrated an achieved virtual identity ($\rho < .01$). The status of virtual identity was relatively stable during 2 months ($\phi^* = .21$). Thus, the VISI is reliable and valid, and can be used as a tool for solving theoretical, empirical, and experimental problems related to identity development in digital space.

Keywords: identity, virtual identity, identity status, students, validity, reliability, psychological tools.

Marina V. Klementyeva – Professor, Chief Research Fellow, Department of Psychology and Human Capital Development, Institute of Humanitarian Technology and Social Engineering of Financial University under the Government of the Russian Federation, DSc in Psychology, Associate Professor. Research Area: developmental psychology, personality psychology.

E-mail: marinaklementyeva@yandex.ru

Acknowledgements

The author would like to thank the students who kindly volunteered to participate in the study. Also, the author is grateful to A.O. Seyranyan, laboratory

гуманитарных технологий и социального инжиниринга ФСНиМК ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» А.О. Сейранян.

assistant of the Institute of Humanitarian Technology and Social Engineering at Faculty of Social Sciences and Mass Communications Financial University, for data collection.

Транзитивность современного общества, пронизанного процессами глобализации, виртуализации и информатизации, порождает новые условия поиска и подтверждения идентичности, ставя эту нелегкую задачу перед исследователями-психологами. Мир XXI столетия представляет собой гибридную реальность, где цифровые средства связывают виртуальные и реальные среды в единую *экосистему* (Марцинковская, 2018; Granic et al., 2020), обуславливая становление *виртуальной идентичности* — «опосредованного технологией ментально обработанного Я, представленного или смоделированного на компьютерах, в компьютерных сетях, электронных играх и любых других виртуальных и цифровых медиасредах» (Jin, 2012, p. 2161).

В данной работе мы дифференцируем психологический смысл виртуальной идентичности в русле неозэриксонской концептуализации Я от совокупности цифровых данных о пользователе в виртуальном контексте, включая ник, адрес электронной почты, онлайн-историю, статус в виртуальной среде и пр. (Subrahmanyam, Šmahel, 2011, p. 62).

Стало очевидно, что виртуальное окружение влияет на развитие идентичности (Войскунский и др., 2013; Wängqvist, Frisé, 2016), однако вопросы условий и направленности влияния виртуальных сред на становление виртуальной идентичности современной молодежи не имеют однозначного решения.

На протяжении сорока лет остается дискуссионным вопрос о соотношении виртуальной и реальной идентичности. Феномен реконструкции идентичности в цифровой среде стал предметом исследований в последние десятилетия XX в. (Смолян, 2017; Тихомиров, 1993; Kendall, 1998; McKenna, Bargh, 1998). Актуальность проблема психологических механизмов становления виртуальной идентичности приобрела в XXI в. в связи с расширением сферы жизни человека, опосредствованной цифровыми технологиями. В ряде исследований отмечены содержательные и функциональные отличительные особенности виртуальной идентичности как альтернативы тех видов идентичности, которые проявляются в реальной среде (Войскунский и др., 2013; Солдатова, Погорелов, 2018; Crisanto et al., 2022; Hu et al., 2022; Pogorelov, Rylskaya, 2022), а в других работах продемонстрировано концептуальное и функциональное сходство виртуальной идентичности с другими видами идентичности (Back et al., 2010; Granic et al., 2020; Frey, Batinić, 2021; Shapiro, Margolin, 2014; Zimmermann et al., 2023). Подобное противоречие в понимании виртуальной идентичности, как полагаем, вызвано эмпирической многоаспектностью и разнообразием методологии исследований, что создает трудность в обобщении данных.

В настоящем, насколько мы знаем, психологическая операционализация виртуальной идентичности представлена в двух моделях: виртуальной нарративной

идентичности (Granic et al., 2020) и виртуальной идентичности пользователей социальных сетей (Pogorelov, Ryl'skaya, 2022). Несмотря на различные подходы в операционализации, обе модели базируются на одной концептуализации конструкта «идентичность» (Эриксон, 2006) и не используют достижения неоэриксоновской парадигмы в части статусов виртуальной идентичности.

Настоящим исследованием мы вносим свой вклад в дискуссию о психологической операционализации конструкта виртуальной идентичности, эмпирически исследуя механизмы ее становления в российском контексте и предлагая оригинальную шкалу оценки ее статусов в русле классической модели исследования статусов идентичности Э. Эриксона.

Понятие идентичности, базирующееся на принципе индивидуации, впервые психологически концептуализировано Э. Эриксоном в конце 1950-х гг. как осознание временной преемственности, переживание единства и уникальности Я с одновременным чувством общности с социальными образцами группы, к которой личность себя причисляет (Там же). В исследованиях второй половины XX в. рассмотрено становление идентичности в период от подросткового возраста до начала взрослости, когда личность принимает социальные «обязательства взрослого человека» и такие его социальные роли, как постоянное партнерство, оплачиваемая работа, родительство, финансовая независимость от родителей (Kroger, 2000; Meeus, 2011; Schwartz et al., 2013). Однако новая динамика перехода ко взрослой жизни, сопряженная с отсрочкой молодыми людьми этого перехода (длительное образование, откладывание брака и родительства, отказ от постоянной трудовой занятости и пр.) в индустриально развитых странах, получившая признание в отечественных (Клементьева, 2023; Манукян, 2022; Сапогова, 2013) и зарубежных (Arnett, 2016) исследованиях XXI в., отодвигает границу решения вопросов становления идентичности на более поздний срок — вплоть до 25–29 лет (Arnett, Mitra, 2020; Kroger et al., 2010; Noon et al., 2023; Vosylis et al., 2018). Таким образом, сегодня задача развития идентичности сохраняет свою актуальность у обучающейся молодежи в возрасте «формирующейся взрослости» (*emerging adulthood*) — 18–25(29) лет.

Развитием взглядов Э. Эриксона на становление идентичности стала психологическая операционализация этого конструкта в теории Дж. Марсиа (Marcia, 1966), который предложил дифференцировать *статусы идентичности* (диффузная идентичность, мораторий, предрешенная идентичность, достигнутая идентичность), основываясь на *поиске* (exploration) и *принятии* (commitment) идентичности в различных областях: профессия, межличностные коммуникации, политика, религия, образование, гендер и сексуальность, этнос и культура и пр. (Schwartz et al., 2011). Механизм дифференциации статусов идентичности был рассмотрен (Grotevant et al., 1982) в качестве двухосевой круговой модели, интегрирующей факторы поиска и принятия. Дано описание психологического содержания четырех статусов идентичности: (а) *достигнутая идентичность* (принятие, основанное на исследовании альтернатив), (б) *предрешенная идентичность* (принятие, основанное на отсутствии альтернатив), (в) *мораторий* (выбор, который осуществляется в настоящее

время), (г) *диффузная идентичность* (отсутствие поиска и принятия). На рубеже XX–XXI вв. была представлена расширенная психометрическая модель «двойного цикла» идентичности (Crocetti et al., 2008; Luycx et al., 2006; Meeus, 1996), включающая, помимо поиска и принятия идентичности, третье измерение — переосмысление принятия (*reconsideration of commitment*) идентичности. Этот фактор запускает второй цикл поддержки идентичности, когда после принятия идентичности личность продолжает поиск в области уже сделанного выбора, сравнивая текущие обязательства и возможные альтернативы. Так, вопрос пересмотра идентичности затрагивает не только «кризис середины жизни» (Mitchell et al., 2021), но может принимать форму переосмысления принятой идентичности и в более ранний период жизни (Becht et al., 2021), когда юноша/девушка чувствует, как его/ее не соответствует текущей жизненной ситуации.

Растущий объем исследований убеждает в том, что статус идентичности ассоциирован с целостным профилем устойчивых индивидуально-психологических свойств личности, с образом Я, с характеристиками межличностных отношений, с паттернами поведения и стилями жизнедеятельности. Так, ведущие поиск своей идентичности и принимающие ее молодые люди (с достигнутой идентичностью) часто являются доброжелательными и добросовестными экстравертами (Crocetti et al., 2008; Xue et al., 2018), имеющими ясное представление о смыслах, целях и результатах самореализации (Карбанова и др., 2021), психологически благополучными и социально адаптированными (Arnett, 2016, pp. 401–420, 438–446; Luycx et al., 2006; Schwartz et al., 2011, pp. 1–27, 31–53), а ведущие поиск и не принимающие свою идентичность молодые люди, пребывающие в статусе моратория идентичности, часто депрессивны и плохо адаптированы (Arnett, 2016, p. 401–420; Schwartz et al., 2011, pp. 1–27, 31–53). Кроме того, обнаружено влияние возрастно-половых характеристик на статус идентичности: на фоне позитивного сдвига к достигнутой идентичности в возрастном диапазоне от 18 до 35 лет (Cramer, 2017). В период от 18 до 25 лет у мужчин увеличивается частота демонстрации достигнутой идентичности, а у женщин — моратория (Verschueren et al., 2017; Becht et al., 2021), в более поздней перспективе, в период 27–50 лет, женщины чаще проявляют достигнутую идентичность, а мужчины — диффузную (Fadjukoff et al., 2016). Примечательно влияние культурно-исторического фактора (индивидуалистский и коллективистский культурные контексты социально-сетевых взаимодействий) на статусы идентичности (Noon et al., 2021) при сохранении инвариантности процессов идентичности (Dimitrova et al., 2016).

Хотя в современной психологической литературе имеется значительное количество исследований идентичности, *многие из них базируются на содержании показателей, разработанных в XX в.* (Schwartz et al., 2011, p. 31–53), поэтому сосредоточены на тех аспектах, которые могут быть не столь актуальными для современных групп людей, нивелируя существенные аспекты развития личности на этапе широкомасштабной цифровизации общества — виртуализации, информатизации, глобализации, транзитивности процессов социализации (Марцинковская, 2018; Kroger et al., 2010).

В настоящее время утверждается точка зрения о зависимости параметров поиска и принятия идентичности от условий конкретных ситуаций. Ряд авторов (Branje et al., 2021; Schwartz et al., 2013; Vosylis et al., 2018) пришли к заключению о неравномерности развития идентичности в различных областях, предложив различать глобальную и предметно-специфичную идентичность. В русле данной позиции исследованы цифровые способы утверждения виртуальной идентичности и механизмы ее взаимодействия с реальными формами идентичности (Солдатова и др., 2022; Belk, 2016; Raiziene et al., 2022; и др.). Стало очевидно, что виртуальные среды не замещают реальные повседневные среды и отличаются от них условиями конструирования идентичности, самопрезентации и социальных взаимодействий, дополняя друг друга и модифицируя, но при этом демонстрируя *функциональную схожесть*.

Несмотря на значительный объем работ киберпсихологической тематики, *эмпирические исследования виртуальной идентичности немногочисленны*, но они открывают интересные перспективы. Попытки понять способы самовыражения личности в цифровых средах способствуют быстрому накоплению эмпирического материала о: механизмах становления социальной и личной идентичности в виртуальных сообществах (Cheng, Guo, 2015; Lee et al., 2020), формировании цифрового опыта нарративной идентичности (Breen et al., 2021), трансмиссии офлайн- и онлайн-идентичности (Koles, Nagy, 2021), влиянии аватаров на динамику идентичности (Gabbiadini et al., 2014), вкладе аддиктивного развития в структуру виртуальной идентичности (Cioban et al., 2021; Pogorelov, Rylskaya, 2022). Обсуждаются корреляты идентичности с «экранном временем» (Перегудина, 2021; Granic et al., 2020), с атрибутивными, оценочными, когнитивными, демографическими и прочими характеристиками аватаров как онлайн-самопрезентаций и цифровых профилей пользователей (Jin, 2012; Zimmermann et al., 2023), с параметрами игровой и интернет-зависимости (Lemenager et al., 2020), с поведенческими характеристиками онлайн-активности в виртуальных сообществах (Hu et al., 2022; Crisanto et al., 2022; Santa María et al., 2022), с разнообразием интернет-активности (Raiziene et al., 2022), с нейробиологическими функциями (Lemenager et al., 2020). Исследователи касаются роли процессов ясного самосознания и самооценки (Green et al., 2021; Lemenager et al., 2020; Müller, Bonnaire, 2021), инициативности поведения и деятельности (Cheng, Guo, 2015; Zimmermann et al., 2023), «расширения самости» (Belk, 2016; Koles, Nagy, 2021) в становлении идентичности в виртуальной среде. Полученные результаты позволяют *конкретизировать и дифференцировать* механизмы развития идентичности — нарративной, социальной, личной и пр. — в виртуальной среде, но не позволяют подойти к операционализации виртуальной идентичности. Многие современные исследователи ассоциируют показатели статусов «реальной» идентичности (в офлайн-контекстах) с параметрами ее виртуального и онлайн-поведения (Noon et al., 2021; Raiziene et al., 2022; Schwartz et al., 2011; Schwartz et al., 2017; Wängqvist, Frisén, 2016).

Таким образом, существует *противоречие* между накопленными научными знаниями о виртуальной идентичности в мировой психологии и отсутствием

востребованного психологического представления о статусах виртуальной идентичности. И хотя в современных исследованиях затронуты вопросы психологического содержания, структуры, функционирования виртуальной идентичности, на удивление отсутствуют исследования, предметом которых были бы ее статусы. Сказанное определяет необходимость разработки содержательных показателей оценки статусов виртуальной идентичности современной молодежи.

Дальнейшее изучение этого вопроса требует, во-первых, разработки теоретической основы, в рамках которой могут быть осмыслены накопленные данные о виртуальной идентичности в период формирующейся зрелости, получено объяснение процесса ее становления, а во-вторых, создание инструмента оценки, который может измерять статусы виртуальной идентичности.

Полагаем, что научно-психологическим ответом на вызовы, порождаемые смешанной реальностью, должно стать изучение виртуальной идентичности через мультиплицирование в новые цифровые среды тех подходов и теорий, которые описывают и объясняют процессы развития личности в повседневных контекстах жизни. Такой основой, на наш взгляд, может стать интеграция *неоэриксонских идей касательно развития идентичности в период перехода к зрелости* (Arnett, 2016; Crocetti, 2017; Grotevant et al., 1982; Meeus, 1996; Noon et al., 2021; Schwartz et al., 2013) с положениями *культурно-исторической теории Л.С. Выготского* (Выготский, 2004) об инструментальности психики и цифровом опосредствовании процессов развития человека.

Сторонниками отечественной культурно-исторической теории достигнуты значительные результаты в разных областях психологии:

- в психологии компьютеризации (Тихомиров, 1993; Войскунский, 2008) заложены основы изучения структуры, функций и генеза психической деятельности опосредствованной работой с компьютерными технологиями и системами с элементами искусственного интеллекта;

- в инженерной психологии и эргономике в работах В.П. Зинченко и его коллег изучены технические средства как движущие силы развития человека, механизмы экстернизации внутренних средств деятельности в человеко-машинных системах с помощью вычислительных средств, способы превращения мышления человека в машинную форму (Смолян, 2017);

- в психологии личности (Асмолов, Асмолов, 2019; Марцинковская, 2018) отмечена орудийная функция цифровых технологий в процессах «переадаптации», качественного преобразования образа жизни личности, вызванных ускорением развития и увеличения разнообразия социальной организации его труда и других видов деятельности;

- в психологии развития (Рубцова, 2019; Солдатова, Войскунский, 2021; Солдатова и др., 2022) подчеркнута опосредующее влияние деятельности и общения в цифровой среде на становление высших психических функций и личностных новообразований, раскрыты механизмы знаково-символического опосредствования, лежащие в основе развития личности и ее структур в ситуациях онлайн-коммуникаций;

• в когнитивной психологии (Фаликман, 2020) в диалектике процессов интериоризации и экстериоризации рассмотрен переход от интериоризации как «классического» механизма развития высших психических функций (аттенционных, мнемических, мыслительных и др.) к «новой экстериоризации» как распределению высших психических функций между действующим субъектом и цифровой технологией.

Вслед за этими авторами, в русле культурно-исторической теории мы рассматриваем становление виртуальной идентичности в соотношении с процессами интериоризации цифровых инструментов, имеющих знаково-символическую природу, которые протекают в условиях новой гибридной реальности с размытыми границами онлайн- и офлайн-контекстов. Используя призму культурно-исторического понимания процесса культурного социогенеза личности в интерпретации статусов виртуальной идентичности, мы полагаем, что источником становления идентичности является опосредствованное цифровыми технологиями взаимодействие человека с «цифровым актором» (например, чат-ботом, аватаром, нейросетевой моделью искусственного интеллекта) или «цифровым субъектом» — другим человеком, представленном в виде совокупности цифровых следов. Допускаем, что гибридная среда возникает и существует в режиме цифрового (в смысле семиотического, знакового) опосредствования интеракций личности с ее различными сегментами, способными симультанно формировать границы, области и содержание виртуального пространства, используя порождаемые эффекты в конструировании виртуальной идентичности. В этом процессе мы склонны видеть *механизм интериоризации*. Примеры психических явлений, сопряженных с механизмом интериоризации в виртуальной среде, можно найти в работах, посвященных анализу коммуникаций в социальных сетях (Lee et al., 2020; Freyth, Batinic, 2021), в онлайн-играх (Lemenager et al., 2020; Green et al., 2021), в организованном виртуальном взаимодействии в средах образования, здравоохранения, услуг (Belk, 2016), в психологической и социальной помощи (Green et al., 2021), масс-медиа (Gabbadini et al., 2014) и пр. В данном контексте носителем виртуальной идентичности является личность, способная выступать источником изменения своего поведения, деятельности и внутреннего образа Я в виртуальной среде.

Исходя из вышеизложенного, мы предложили *модель становления виртуальной идентичности*, состоящую из двух процессов. Вероятно, становление идентичности будет варьировать:

- по степени овладения функциональным (осмысленным) использованием цифровых средств в осмысленном принятии (*Meaningfulness of Commitment*) идентичности по шкале «непосредственность — опосредованность»;
- по степени активности в поиске идентичности (*In-Depth Exploration*) по шкале «активность — реактивность».

Осмысленность принятия виртуальной идентичности концептуализируется как степень осмысленности выбора, сделанного личностью в области виртуальной среды и онлайн-контекстов в отношении своей идентичности;

интенсивность поиска идентичности соотносится с тем, как личность справляется с существующими обязательствами

Интегративное соотношение данных шкал, как мы полагаем, характеризует четыре статуса виртуальной идентичности (см. таблицу 1):

- *диффузная*, выраженная в бессмысленном приспособлении к виртуальной среде, когда молодые люди пассивны, их не интересует процесс самоисследования, не осознают свою виртуальную идентичность;
- *предрешенная*, ассоциированная с осмысленным, но безынициативным приспособлением к виртуальной среде, когда молодые люди не вовлечены в процесс самоисследования, некритично принимают образец выражения виртуальной идентичности без соотнесения с собственными предпочтениями;
- *мораторий*, сопряженный с бессмысленной инициативой самовыражения в виртуальной среде, когда молодые люди активны в самоисследовании, открытии новых возможностей самовоплощения и образцов самопрезентации виртуальной идентичности, но еще не готовы осознанно принять свою виртуальную идентичность;
- *достигнутая*, связанной с осмысленной инициативой самовыражения в виртуальной среде, когда молодые люди активны в самоисследовании и открытии новых возможностей самовоплощения и образцов самопрезентации виртуальной идентичности с учетом знаний о своих ценностно-смысловых ориентациях и предпочтениях.

Программа исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 350 человек в возрасте 17–25 лет, обучающихся по гуманитарным, экономическим, естественно-научным и техническим направлениям бакалавриата и магистратуры в вузах г. Москвы и г. Тулы. Ме – 19 лет, М – 19.2, σ – 1.2; 55.7% (n = 195) женщин и 44.3% (n = 155) мужчин; средний возраст мужчин – 19.5 (σ – 1.2), женщин – 19.1 (σ – 1.3).

Процедура. Опрос проходил в онлайн-форме, со стороны участников было получено информированное согласие. Повторный тест был проведен в онлайн-форме через 2 месяца после первичного сбора данных (n = 95).

Таблица 1

Модель статусов виртуальной идентичности

Шкала 1		Шкала 2	
		Интенсивность поиска виртуальной идентичности (In-Depth Exploration)	
		Высокая	Низкая
Осмысленность принятия виртуальной идентичности (Meaningfulness of Commitment)	Высокая	Достигнутая виртуальная идентичность	Предрешенная виртуальная идентичность
	Низкая	Мораторий виртуальной идентичности	Диффузная виртуальная идентичность

Инструментарий. Опираясь на описанное выше теоретическое представление о структуре виртуальной идентичности, мы разработали методику «Статус ВИ» для оценки каждого из двух измерений (стимульный материал представлен в Приложении). Опросник представляет собой шкалу, состоящую из 10 пунктов, из которых пять пунктов измеряют интенсивность поиска идентичности, а пять оценивают осмысленность ее принятия. Использована шкала Лайкерта (1 — полностью не согласен, 6 — полностью согласен), в которой фиксировалась степень согласия участников в области виртуальной идентичности.

Полученные «сырые баллы» переведены в стень с использованием конверсионной таблицы (методом линейной стандартизации) (см. таблицу 2).

Интерпретация статуса виртуальной идентичности осуществлялась с использованием двухосевого пространства (см. рисунок 1).

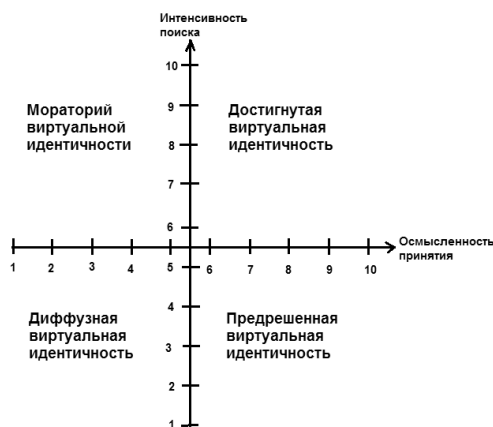
Таблица 2

Конверсионная таблица для шкал методики «Статус ВИ»

Стен	Баллы по шкале «Осмысленность принятия виртуальной идентичности»	Баллы по шкале «Интенсивность поиска виртуальной идентичности»
1	9 и менее	4 и менее
2	10–11	5–6
3	12–14	7–9
4	15–17	10–11
5	18–19	12–14
6	20–22	15–16
7	23–24	17–19
8	25–27	20–21
9	28–29	22–23
10	30 и более	24 и более

Рисунок 1

Двухосевая круговая интеграция осмысленности принятия и интенсивности поиска идентичности

Оценка соответствия стимульного материала конструкту проходила методом экспертных оценок (состав группы экспертов — 4 психолога с опытом практической психологической работы от 3 до 7 лет, два из которых имели ученую степень) и методом фокус-группы (состав группы — 50 студентов 18–22 лет) по бинарной системе (да/нет). Оценка согласованности результатов с использованием коэффициента согласия Коэна показала достаточную меру согласованности оценок: $\kappa_{\text{эмп}} \geq 0.90$ (для фокус-группы) и $\kappa_{\text{эмп}} \geq 0.95$ (для экспертов).

Помимо авторской методики использованы русскоязычные шкалы самодетерминации (Дергачева и др., 2008) и Big Five Inventory-2 (Калугин и др., 2021). Выбор методик обусловлен необходимостью проверки внешней валидности адаптированной шкалы. Критерием их отбора стала ассоциативная связь и близость к смежным конструктам, описанным в предшествующих работах по апробации шкал оценки статусов идентичности (Stocetti et al., 2008; Schwartz et al., 2011; Wängqvist, Frisé, 2016).

Обработка данных. Проверка внутренней согласованности и однородности стимульного материала проведена с использованием коэффициента Кронбаха. Ретестовая надежность шкал проверена с помощью t -критерия; стабильность во времени статусов виртуальной идентичности, а также оценка сопряженности статусов виртуальной идентичности и пола участников — с помощью ϕ^* -критерия углового преобразования Фишера. Проверка валидности осуществлена с использованием корреляционного анализа (r -критерий). Для того чтобы подтвердить модель виртуальной идентичности, состоящую из двух измерений — осмысленности принятия и интенсивности поиска, — мы проверили факторную структуру авторской методики «Статус ВИ» с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА) с оценкой максимального правдоподобия, выполненного с помощью программы моделирования структурных уравнений Amos 21. Оценка связей между статусами виртуальной идентичности и устойчивыми свойствами личности осуществлена с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Результаты

Описательные статистики, показатели нормальности распределения и внутренней согласованности представлены в таблице 3. Внутренняя согласованность для факторов приемлема, надежность/устойчивость во времени факторной структуры хорошая.

Проверка структурной валидности двухкомпонентной модели виртуальной идентичности в КФА продемонстрировала хорошую согласованность теоретической модели с эмпирическими данными (см. рисунок 2).

Стандартизированные коэффициенты регрессии показателей значимы на уровне $p < 0.001$, подтверждая значимую связь между переменными и объясняющими их факторами. Положительная линейная ковариация двух факторов (осмысленности принятия и интенсивности поиска) статистически

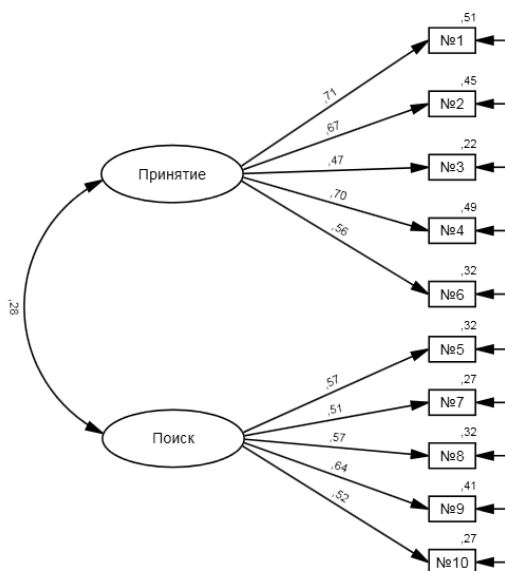
Таблица 3

Описательные статистики, показатели нормальности распределения, внутренней согласованности и ретестовой надежности шкал

	Осмысленность принятия виртуальной идентичности	Интенсивность поиска виртуальной идентичности
М (SD)	19.67 (5.14)	14.15(4.91)
<i>p</i> -уровень для показателя Колмогорова—Смирнова	0.13	0.21
α Кронбаха	0.77	0.73
<i>p</i> -уровень для <i>t</i> -критерия	0.56	0.71

Рисунок 2

Структура измерительной модели виртуальной идентичности при $\chi^2/df = 1.17$; $p = 0.05$; RMSEA = 0.08; CFI = 0.93 (N = 350)

значима при $p = 0.001$, что, вероятно, свидетельствует об опосредованном влиянии общего фактора идентичности на отдельные измерения.

Проверка внешней валидности обнаружила значимые линейные корреляционные связи между показателями авторской методики и устойчивыми свойствами личности (см. таблицу 4), т.е. осмысленность принятия виртуальной идентичности сопряжена с высокими показателями автономии (самодетерминации), доброжелательности, добросовестности и открытости опыту.

В таблице 5 представлены данные однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), где в качестве фактора была использована группирующая переменная

Таблица 4

Корреляции показателей виртуальной идентичности и устойчивых свойств личности

Устойчивые свойства личности	Осмысленность принятия виртуальной идентичности	Интенсивность поиска виртуальной идентичности
Самодетерминация (внутренняя каузальная ориентация)	0.36**	-0.14*
Экстраверсия	0.13*	-0.13*
Доброжелательность	0.17**	-0.09
Добросовестность	0.20**	-0.09
Нейротизм	-0.15*	0.13*
Открытость опыту	0.38**	0.01

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Таблица 5

Описательные статистики и однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) устойчивых свойств личности с разными статусами виртуальной идентичности

Показатель	Показатели ANOVA		Описательные статистики – М (SD)			
	F	p	Диффузная виртуальная идентичность (n = 113)	Мораторий виртуальной идентичности (n = 77)	Предрешенная виртуальная идентичность (n = 76)	Достигнутая виртуальная идентичность (n = 84)
Самодетерминация (внутренняя каузальная ориентация)	11.96	0.00	149.8 (24.4)	141.3 (26.4)	158.3 (19.6)	169.0 (18.6)
Удовлетворенность жизнью	0.59	0.62	23.2 (3.3)	24.3 (0.9)	22.8 (3.2)	18.5 (0.7)
Экстраверсия	1.05	0.37	45.6 (8.7)	43.4 (6.8)	46.4 (10.3)	45.5 (7.2)
Доброжелательность	1.19	0.31	43.9 (5.4)	42.5 (5.8)	44.0 (6.7)	44.8 (6.5)
Сознательность	2.50	0.06	51.7 (8.9)	48.7 (7.2)	51.5 (9.9)	53.0 (8.6)
Нейротизм	1.53	0.20	38.8 (8.7)	41.2 (7.1)	37.6 (9.7)	38.2 (9.0)
Открытость опыту	6.60	0.00	47.9 (8.3)	45.7 (6.7)	50.6 (10.7)	52.7 (6.8)

статуса виртуальной идентичности (диффузная, мораторий, предрешенная, достигнутая), а также описательные статистики групп, дифференцированных по статусу виртуальной идентичности. Таким образом, студенты, открытые новому опыту и способные к автономии (самодетерминации), демонстрировали достигнутую виртуальную идентичность.

При попарном сравнении групп (post hoc) значимые различия ($p < 0.01$) обнаружены между мораторием и достигнутой виртуальными идентичностями по показателям удовлетворенности жизнью и сознательности; между мораторием, достигнутой, диффузной и предрешенной виртуальной идентичностью — по показателям самодетерминации и открытости опыту.

Согласно результатам сравнительного анализа, студенты чаще демонстрируют диффузную виртуальную идентичность по сравнению с другими статусами ($\phi^* \geq 2.55$). Кроме того, мы обнаружили, что студенты-мужчины значительно чаще демонстрируют достигнутую виртуальную идентичность ($\phi^* = 2.16$), а студентки — мораторий виртуальной идентичности ($\phi^* = 2.32$).

Обсуждение

Исследование было направлено на то, чтобы психологически операционализировать конструкт виртуальной идентичности, эмпирически исследуя ее процессы в российском контексте, предложив оригинальную шкалу оценки статусов виртуальной идентичности. В целом материалы, полученные в работе, согласуются с эриксоновскими (Эриксон, 2006) и неоэриксоновскими идеями касательно развития идентичности в период перехода к взрослости (Arnett, 2016; Crocetti, 2017; Noon et al., 2023; Schwartz et al., 2013), а также с положениями культурно-исторической теории Л.С. Выготского об инструментальности психики и знаково-символическом опосредствовании процессов личностного развития взрослеющей личности (Марцинковская, 2018; Рубцова, 2019; Сапогова, 2013; Солдатова, Войскунский, 2021).

Наша модель виртуальной идентичности построена в рамках одного цикла «поиск — принятие» (Карабанова и др., 2021; Grotevant et al., 1982; Schwartz et al., 2011), что отличает ее от модели «двойного цикла» (Crocetti et al., 2008) с пересмотром принятой идентичности, подчеркивая предметную специфику виртуальной идентичности. В отличие от содержательной интерпретации виртуальной идентичности через сочетание «киберзависимости-киберкультуры-виртуального образа» (Pogorelov, Rylskaya, 2022) с акцентом на противопоставление базовому конструкту идентичности, предложенная нами модель процессов виртуальной идентичности *укрепляет научный статус конструкта идентичности, открывая возможности для формализации, анализа, интеграции и обобщения данных о развитии идентичности в различных средах*. Результаты в значительной степени согласуются с нашими прогнозами. Шкала, состоящая из 10 пунктов, формирует два фактора, соответствующие процессам идентичности, — интенсивности поиска и осмысленности принятия, что согласуется с результатами психометрических характеристик измерительных шкал идентичности в других областях (Schwartz et al., 2013). Хорошие показатели валидности и надежности авторской методики подтверждают ее соответствие психометрическим требованиям и позволяют использовать ее в дальнейшем для решения теоретических, эмпирических и экспериментальных задач, связанных с исследованием виртуальной идентичности.

Исследование вносит вклад в современную дискуссию о процессах виртуальной идентичности, восполняя недостаток в исследованиях развития идентичности в российском контексте. Мы подтвердили, что устойчивые личностные характеристики, включая диспозиции личности и особенности самодетерминации, которые демонстрирует личность в реальной повседневной среде, ассоциированы с процессами виртуальной идентичности. Процессы виртуальной идентичности (поиск и принятие) связаны с устойчивыми свойствами личности: самодетерминацией, доброжелательностью, добросовестностью, нейротизмом, открытостью опыту, и тем самым наше исследование обнаруживает когерентность результатам зарубежных исследований «глобальной» идентичности и поддерживает выводы современных работ по изучению виртуальной идентичности (Войскунский и др., 2013; Солдатова и др., 2022; Noon et al., 2023; Santa María et al., 2022; Valkenburg, Peter, 2009). Так, повышение интенсивности поиска виртуальной идентичности сопряжено со снижением эмоциональной стабильности и самодетерминации. Напротив, повышение осмысленности принятия виртуальной идентичности ассоциировано с повышением самодетерминации и открытости опыту в повседневной жизни.

Вслед за авторами (Перегудина, 2021; Breen et al., 2021; Raiziene et al., 2022; Zimmermann et al., 2023), указывающими на невысокий уровень развития идентичности в виртуальных средах у студенческой молодежи, мы увидели частую *демонстрацию диффузного статуса виртуальной идентичности*. Полученные результаты поддерживают теорию развития идентичности в период формирующейся взрослости (Карабанова и др., 2021; Arnett, 2016, p. 401–420; Schwartz et al., 2011, p. 1–27, 31–53; Vosylis et al., 2018), подтверждая общий вектор удлинения периода перехода от диффузной к достигнутой идентичности относительно виртуальной идентичности у современной молодежи. Виртуальная идентичность не является альтернативой различным видам «реальной» идентичности вопреки одной из сложившихся точек зрения (Войскунский и др., 2013; Солдатова, Погорелов, 2018; Crisanto et al., 2022; Hu et al., 2022), но, напротив, обнаруживает функциональное сходство с ними: молодые люди испытывают сходные трудности в конструировании идентичности, самопрезентации и социальных взаимодействий в гибридной среде, в которой виртуальные пространства динамично сочетаются с повседневными контекстами жизни.

Выявленные половые различия в статусах виртуальной идентичности, по-видимому, обусловлены большей личностной вовлеченностью молодых мужчин, их более активным взаимодействием с различными сегментами цифровой среды, что также согласуется с выводами современных исследователей (Becht et al., 2021; Verschueren et al., 2017).

Наше исследование вносит вклад в психологическую операционализацию конструкта виртуальной идентичности, обращая внимание на процессы и статусы виртуальной идентичности формирующихся взрослых, вовлеченных в цифровые контексты.

Ограничение настоящей работы связано со студенческой выборкой. В будущих исследованиях можно расширить возрастной диапазон — от подросткового возраста до старости.

Выводы

Выявлены и описаны статусы виртуальной идентичности через призму интеграции неозериксоновских идей с положениями культурно-исторической теории. Виртуальная идентичность психологически операционализирована как интеграция процессов поиска и принятия цифрового образа Я, моделируемого пользователем в виртуальной среде, как самотождественного и устойчивого во времени. Разработанная методика оценки статусов виртуальной идентичности является валидным и надежным психодиагностическим инструментом. Эмпирически обоснована роль процессов и статусов виртуальной идентичности в личностном развитии современных молодых людей.

Литература

- Асмолов, Г. А., Асмолов, А. Г. (2019). Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива. *Вопросы психологии*, 4, 3–28.
- Войсунский, А. Е. (2008). От психологии компьютеризации к психологии Интернета. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 140–153.
- Войсунский, А. Е., Евдокименко, А. С., Федунина, Н. Ю. (2013). Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 98–121.
- Выготский, Л. С. (2004). *Психология развития человека*. М.: Смысл.
- Дергачева, О. Е., Дорфман, Л. Я., Леонтьев, Д. А. (2008). Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 91–106.
- Калугин, А. Ю., Щебетенко, С. А., Мишкевич, А. М., Сото, К. Дж., Джон, О. П. (2021). Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(1), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Карабанова, О. А., Захарова, Е. И., Старостина, Ю. А. (2021). Личностная идентичность как основа построения профессиональной и семейной карьер в условиях неопределенности. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»*, 3, 6–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-6-23>
- Клементьева, М. В. (2023). Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости (IDEA-R): особенности развития студентов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(2), 164–182. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.203>
- Манукян, В. Р. (2022). Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет. *Психологическая наука и образование*, 27(3), 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>
- Марцинковская, Т. Д. (2018). Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 4(14), 11–20.
- Перегудина, В. А. (2021). Опыт исследования идентичности личности активных интернет-пользователей. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки»*, 18(3), 127–144. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.9>
- Рубцова, О. В. (2019). Цифровые технологии как новое средство опосредования (статья вторая). *Культурно-историческая психология*, 15(4), 100–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150410>
- Сапогова, Е. Е. (2013). *Экзистенциальная психология взрослости*. М.: Смысл.

- Смолян, Г. Л. (2017). В.П. Зинченко и становление инженерной психологии в СССР. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(4), 626–643. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-4-626-643>
- Солдатова, Г. У., Войскунский, А. Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Илюхина, С. Н. (2022). Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых. *Культурно-историческая психология*, 18(4), 27–37. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403>
- Солдатова, Е. Л., Погорелов, Д. Н. (2018). Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. *Образование и наука*, 20(5), 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
- Тихомиров, О. К. (1993). Информационный век и теория Л.С. Выготского. *Психологический журнал*, 14(1), 114–119.
- Фаликман, М. В. (2020). Цифровое опосредствование: новые рубежи культурно-исторического подхода. *Вопросы психологии*, 2, 3–14.
- Эриксон, Э. (2006). *Идентичность: юность и кризис* (2-е изд.). М.: Флинта; МПСИ; Прогресс.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Arnett, J. J. (Ed.). (2016). *The Oxford handbook of emerging adulthood*. Oxford; New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199795574.001.0001>
- Arnett, J. J., & Mitra, D. (2020). Are the features of emerging adulthood developmentally distinctive? A comparison of ages 18–60 in the United States. *Emerging Adulthood*, 8(5), 412–419. <https://doi.org/10.1177/2167696818810073>
- Asmolov, G. A., & Asmolov, A. G. (2019). Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evolyutsionnaya perspektiva [Internet as a generative space: An historical-evolutionary perspective]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 3–28.
- Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C., Egloff, B., & Gosling, S. D. (2010). Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization. *Psychological Science*, 21(3), 372–374. <https://doi.org/10.1177/0956797609360756>
- Becht, A. I., Nelemans, S. A., Branje, S. J. T., Vollebergh, W. A. M., & Meeus, W. H. J. (2021). Daily identity dynamics in adolescence shaping identity in emerging adulthood: An 11-year longitudinal study on continuity in development. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(8), 1616–1633. <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01370-3>
- Belk, R. (2016). Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 10, 50–54. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.11.003>
- Branje, S., de Moor, E. L., Spitzer, J., & Becht, A. I. (2021). Dynamics of identity development in adolescence: A decade in review. *Journal of Research on Adolescence*, 31(4), 908–927. <https://doi.org/10.1111/jora.12678>
- Breen, A. V., Scott, C., & McLean, K. C. (2021). The “stuff” of narrative identity: Touring big and small stories in emerging adults’ dorm rooms. *Qualitative Psychology*, 8(3), 297–310. <https://doi.org/10.1037/qup0000158>

- Cheng, Zh.-ch., & Guo, T.-ch. (2015). The formation of social identity and self-identity based on knowledge contribution in virtual communities: An inductive route model. *Computers in Human Behavior, 43*, 229–241. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.10.056>
- Cioban, S., Lazăr, A. R., Bacter, C., & Hatos, A. (2021). Adolescent deviance and cyber-deviance. A systematic literature review. *Frontiers in Psychology, 12*, Article 748006. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.748006>
- Cramer, P. (2017). Identity change between late adolescence and adulthood. *Personality and Individual Differences, 104*, 538–543. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.08.044>
- Crisanto, M., Wagaman, B., Kerr, E., McGinnis, J., & Berman, S. L. (2022). Avatars and alternate identities: Social media usage and its relation to identity and peer attachment. *The American Journal of Psychology, 135*(2), 215–224. <https://doi.org/10.5406/19398298.135.2.07>
- Crocetti, E. (2017). Identity formation in adolescence: The dynamic of forming and consolidating identity commitments. *Child Development Perspectives, 11*(2), 145–150. <https://doi.org/10.1111/cdep.12226>
- Crocetti, E., Rubini, M., & Meeus, W. (2008). Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence, 31*(2), 207–222. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2007.09.002>
- Dergacheva, O. E., Dorfman, L. Ya., & Leontiev, D. A. (2008). Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika kauzal'nykh orientatsii [Russian adaptation of the General Causality Orientation Scale]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Lomonosov Psychology Journal], 3*, 91–106.
- Dimitrova, R., Crocetti, E., Buzea, C., Jordanov, V., Kosic, M., Tair, E., Taušová, J., van Cittert, N., & Uka, F. (2016). The Utrecht-management of identity commitments scale (U-MICS): Measurement invariance and cross-national comparisons of youth from seven European countries. *European Journal of Psychological Assessment, 32*(2), 119–127. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000241>
- Erikson, E. (2006). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis] (2nd ed.). Moscow: Flinta; MPSI; Progress. (Original work published 1968)
- Fadjukoff, P., Pulkkinen, L., & Kokko, K. (2016). Identity formation in adulthood: A longitudinal study from age 27 to 50. *Identity: An International Journal of Theory and Research, 16*(1), 8–23. <https://doi.org/10.1080/15283488.2015.1121820>
- Falikman, M. V. (2020). Digital mediation: the cutting edge of the cultural historical approach. *Voprosy Psikhologii, 2*, 3–14. (in Russian)
- Freyth, L., & Batinic, B. (2021). How bright and dark personality traits predict dating app behavior. *Personality and Individual Differences, 168*, Article 110316. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110316>
- Gabbiadini, A., Mari, S., Volpato, C., & Grazia Monaci, M. (2014). Identification processes in online groups: Identity motives in the virtual realm of MMORPGs. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications, 26*(3), 141–152. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000119>
- Granic, I., Morita, H., & Scholten, H. (2020). Beyond screen time: Identity development in the digital age. *Psychological Inquiry, 31*(3), 195–223. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820214>
- Green, R., Delfabbro, P. H., & King, D. L. (2021). Avatar identification and problematic gaming: The role of self-concept clarity. *Addictive Behaviors, 113*, Article 106694. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106694>
- Grotevant, H. D., Thorbecke, W., & Meyer, M. L. (1982). An extension of Marcia's identity status interview into the interpersonal domain. *Journal of Youth and Adolescence, 11*, 33–47. <https://doi.org/10.1007/BF01537815>
- Hu, C., Cao, R., Huang, J., & Wei, Y. (2022). The effect of self-discrepancy on online behavior: A literature review. *Frontiers in Psychology, 13*, Article 883736. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.883736>

- Jin, S.-A. A. (2012). The virtual malleable self and the virtual identity discrepancy model: Investigative frameworks for virtual possible selves and others in avatar-based identity construction and social interaction. *Computers in Human Behavior*, 28(6), 2160–2168. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.06.022>
- Kalugin, A. Yu., Shchebetenko, S. A., Mishkevich, A. M., Soto, C. J., & John, O. P. (2021). Psychometric properties of the Russian version of the Big Five Inventory-2. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 19(1), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33> (in Russian)
- Karabanova, O. A., Zakharova, E. I., & Starostina, Yu. A. (2021). Personal identity as a basis for professional and family careers under uncertainty. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya "Psikhologicheskie Nauki" [Bulletin MSRU. Series: Psychology]*, 3, 6–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-6-23> (in Russian)
- Kendall, L. (1998). Meaning and identity in "Cyberspace": The performance of gender, class, and race online. *Symbolic Interaction*, 21(2), 129–153. <https://doi.org/10.1525/si.1998.21.2.129>
- Klementyeva, M. V. (2023). Emerging adulthood (the IDEA-R): Developmental features of university students. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya*, 13(2), 164–182. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.203> (in Russian)
- Koles, B., & Nagy, P. (2021). Digital object attachment. *Current Opinion in Psychology*, 39, 60–65. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.07.017>
- Kroger, J. (2000). Ego identity status research in the new millennium. *International Journal of Behavioral Development*, 24(2), 145–148. <https://doi.org/10.1080/016502500383250>
- Kroger, J., Martinussen, M., & Marcia, J. E. (2010). Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis. *Journal of Adolescence*, 33, 683–698. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2009.11.002>
- Lee, S. H., Tak, J.-Y., Kwak, E.-J., & Lim, T. Y. (2020). Fandom, social media, and identity work: The emergence of virtual community through the pronoun "we". *Psychology of Popular Media*, 9(4), 436–446. <https://doi.org/10.1037/ppm0000259>
- Lemenager, T., Neissner, M., Sabo, T., Mann, K., & Kiefer, F. (2020). "Who am I" and "How should I be": a systematic review on self-concept and avatar identification in gaming disorder. *Current Addiction Reports*, 7, 166–193. <https://doi.org/10.1007/s40429-020-00307-x>
- Luyckx, K., Goossens, L., & Soenens, B. (2006). A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change dynamics in commitment formation and commitment evaluation. *Developmental Psychology*, 42(2), 366–380. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.42.2.366>
- Manukyan, V. R. (2022). Growing up of youth: Separation from parents, subjective adulthood and psychological well-being at the age of 18–27. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 27(3), 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310> (in Russian)
- Marcia, J. E. (1966). Development and validation of ego-identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 3(5), 551–558. <https://doi.org/10.1037/h0023281>
- Martsinkovskaya, T. D. (2018). Identity in transitive and virtual space. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Psychology. Pedagogics. Education"*, 4(14), 11–20. (in Russian)
- McKenna, K. Y. A., & Bargh, J. A. (1998). Coming out in the age of the Internet: Identity "demarginalization" through virtual group participation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75(3), 681–694. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.3.681>
- Meeus, W. (1996). Studies on identity development in adolescence: An overview of research and some new data. *Journal of Youth and Adolescence*, 25(5), 569–598. <https://doi.org/10.1007/BF01537355>

- Meeus, W. (2011). The study of adolescent identity formation 2000–2010: A review of longitudinal research. *Journal of Research on Adolescence*, 21, 75–94. <https://doi.org/10.1111/j.1532-7795.2010.00716.x>
- Mitchell, L. L., Adler, J. M., Carlsson, J., Eriksson, P. L., & Syed, M. (2021). A conceptual review of identity integration across adulthood. *Developmental Psychology*, 57(11), 1981–1990. <https://doi.org/10.1037/dev0001246>
- Müller, T., & Bonnaire, C. (2021). Intrapersonal and interpersonal emotion regulation and identity: A preliminary study of avatar identification and gaming in adolescents and young adults. *Psychiatry Research*, 295, Article 113627. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113627>
- Noon, E. J., Schuck, L. A., Guḡu, S. M., Şahin, B., Vujović, B., & Aydın, Z. (2021). To compare, or not to compare? Age moderates the relationship between social comparisons on nstagram and identity processes during adolescence and emerging adulthood. *Journal of Adolescence*, 93(1), 134–145. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2021.10.008>
- Noon, E. J., Vranken, I., & Schreurs, L. (2023). Age matters? The moderating effect of age on the longitudinal relationship between upward and downward comparisons on Instagram and identity processes during emerging adulthood. *Emerging Adulthood*, 11(2), 288–302. <https://doi.org/10.1177/21676968221098293>
- Peregudina, V. A. (2021). Experience in researching the identity of active internet users. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. Seriya "Psikhologo-pedagogicheskie Nauki" [Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences]*, 18(3), 127–144. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.9> (in Russian)
- Pogorelov, D. N., & Rylskaya, E. A. (2022). The development and psychometric characteristics of the “Virtual Identity of Social Media Users” Test. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(4), 101–126. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0407>
- Raiziene, S., Erentaite, R., Pakalniskiene, V., Grigutyte, N., & Crocetti, E. (2022). Identity formation patterns and online activities in adolescence. *Identity*, 22(2), 150–165. <https://doi.org/10.1080/15283488.2021.1960839>
- Rubtsova, O. V. (2019). Digital media as a new means of mediation (Part two). *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 15(4), 100–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150410> (in Russian)
- Santa María, L., Aliagas, C., & Rutten, K. (2022). Youth’s literary socialisation practices online: A systematic review of research. *Learning, Culture and Social Interaction*, 34, Article 100628. <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2022.100628>
- Sapogova, E. E. (2013). *Ekzistentsial'naya psikhologiya vzroslosti* [Existential psychology of adulthood]. Moscow: Smysl.
- Schwartz, S. J., Luyckx, K., & Vignoles, V. L. (Eds.). (2011). *Handbook of identity theory and research*. Springer Science + Business Media. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9>
- Schwartz, S. J., Meca, A., & Petrova, M. (2017). Who am I and why does it matter? Linking personal identity and self-concept clarity. In J. Lodi-Smith & K. DeMarree (Eds.), *Self-concept clarity*. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71547-6_8
- Schwartz, S. J., Zamboanga, B. L., Luyckx, K., Meca, A., & Ritchie, R. A. (2013). Identity in emerging adulthood: Reviewing the field and looking forward. *Emerging Adulthood*, 1(2), 96–113. <https://doi.org/10.1177/2167696813479781>

- Shapiro, L. A. S., & Margolin, G. (2014). Growing up wired: Social networking sites and adolescent psychosocial development. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 17, 1–18. <https://doi.org/10.1007/s10567-013-0135-1>
- Smolyan, G. L. (2017). Vladimir Zinchenko and the making of the industrial Psychology in the USSR. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 14(4), 626–643. (in Russian)
- Soldatova, E. L., & Pogorelov, D. N. (2018). The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem. *Obrazovanie i Nauka [The Education and Science Journal]*, 20(5), 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124> (in Russian)
- Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., & Ilyukhina, S. N. (2022). Real-self and virtual-self: Identity matrices of adolescents and adults. *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 18(4), 27–37. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403> (in Russian)
- Soldatova, G. U., & Voiskounsky, A. E. (2021). Socio-cognitive concept of digital socialization: new ecosystem and social evolution of the mind. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 18(3), 431–450. (in Russian)
- Subrahmanyam, K., & Šmahel, D. (2011). *Digital youth: The role of media in development*. Springer Science + Business Media. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-6278-2>
- Tikhomirov, O. K. (1993). Informatsionnyi vek i teoriya L.S. Vygotskogo [Informational age and L.S. Vygotsky's theory]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 14(1), 114–119.
- Valkenburg, P. M., & Peter, J. (2009). Social consequences of the internet for adolescents: A decade of research. *Current Directions in Psychological Science*, 18(1), 1–5. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01595.x>
- Verschueren, M., Rassart, J., Claes, L., Moons, P., & Luyckx, K. (2017). Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences. *Psychologica Belgica*, 57(1), 32–42. <https://doi.org/10.5334/pb.348>
- Voiskounsky, A. E. (2008). Ot psikhologii komp'yuterizatsii k psikhologii Interneta [From psychology of computerization to psychology of Internet]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Lomonosov Psychology Journal]*, 2, 140–153.
- Voiskounsky, A. E., Evdokimenko, A. S., & Fedunina, N. Yu. (2013). Online and real-life identity: A comparative study. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 10(2), 98–121. (in Russian)
- Vosylis, R., Erentaitė, R., & Crocetti, E. (2018). Global versus domain-specific identity processes: Which domains are more relevant for emerging adults? *Emerging Adulthood*, 6(1), 32–41. <https://doi.org/10.1177/2167696817694698>
- Vygotskii, L. S. (2004). *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [The developmental psychology of man]. Moscow: Smysl.
- Wängqvist, M., & Frisé, A. (2016). Who am I online? Understanding the meaning of online contexts for identity development. *Adolescent Research Review*, 1, 139–151. <https://doi.org/10.1007/s40894-016-0025-0>
- Xue, K., Yang, C., & Yu, M. (2018). Impact of new media use on user's personality traits. *Quality and Quantity*, 52, 739–758. <https://doi.org/10.1007/s11135-017-0485-8>
- Zimmermann, D., Wehler, A., & Kaspar, K. (2023). Self-representation through avatars in digital environments. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*, 42, 21775–21789. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03232-6>

Методика оценки статусов виртуальной идентичности («Статус ВИ»)

Выразите, пожалуйста, степень своего согласия с каждым из 10 утверждений, касающихся отношения к Интернету, виртуальному миру, онлайн-среде. Пожалуйста, обязательно ставьте только одну галочку в каждой строке, используя шкалу:

- 1 – категорически не согласен;
- 2 – не согласен;
- 3 – скорее не согласен, чем согласен;
- 4 – скорее согласен, чем не согласен;
- 5 – согласен;
- 6 – полностью согласен.

№	Утверждения	Степень согласия					
		1	2	3	4	5	6
1	Виртуальный профиль уникален для каждого человека, и я знаю точно, каким должен быть мой профиль в виртуальном мире	☐	☐	☐	☐	☐	☐
2	Я точно знаю, в каком направлении самореализоваться в виртуальном мире	☐	☐	☐	☐	☐	☐
3	Я понимаю, каким должно быть мое поведение в Интернете, и следую этому	☐	☐	☐	☐	☐	☐
4	Теперь я точно знаю, что хочу от Интернета и виртуальности	☐	☐	☐	☐	☐	☐
5	Я часто размышляю о своей виртуальной жизни и своем Интернет-поведении	☐	☐	☐	☐	☐	☐
6	Сейчас понимаю, какие профиль и поведение должны быть у меня в онлайн-среде	☐	☐	☐	☐	☐	☐
7	Я часто пытаюсь узнать, что другие люди думают обо мне на тех сайтах, онлайн-платформах и виртуальных ресурсах, которые я посещаю	☐	☐	☐	☐	☐	☐
8	Я часто разговариваю о себе в виртуальных сообществах	☐	☐	☐	☐	☐	☐
9	Виртуальный мир помогает мне чувствовать уверенность в себе	☐	☐	☐	☐	☐	☐
10	В виртуальном окружении я чувствую себя в безопасности и оптимистично смотрю в будущее	☐	☐	☐	☐	☐	☐

Баллы суммируются по шкалам:

Осмысленность принятия виртуальной идентичности 1, 2, 3, 4, 6

Интенсивность поиска виртуальной идентичности 5, 7, 8, 9, 10